

Чапаева Любовь Георгиевна

БЕЛЛЕТРИСТИКА 1830-1840-Х ГГ. КАК ПОЛЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СПОРОВ

В статье говорится о том, что именно беллетристика данной эпохи становится идентификатором нового социально-культурного слоя, а в спорах о ней выявляются общее и различное в лингвистических взглядах на состав литературного языка славянофилов и западников. Оценки маркированных языковых единиц, просторечных и диалектных явлений оказываются социально и идеологически обусловленными, отражая идеологическое и культурное размежевание в русском обществе 1830-1840-х гг.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/8-1/54.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (26): в 2-х ч. Ч. I. С. 190-193. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

бытия. Помимо того, что «генерализация» у Толстого и Горького служит фактором идейной концентрации, «сгущения» художественного материала, она свидетельствует еще и в пользу своеобразной «надлитературности» обоих жизнеописаний. И Толстой, и Горький, рассказывая о себе, по сути дела, превращают свои жизнеописания в общезначимые социальные и философско-этические обобщения «учительного плана». Если Л. Толстой делает свою биографию способом постижения законов бытия и познания моральной сути человека, то М. Горький с помощью целенаправленного авторского комментария формулирует – ни много, ни мало – программу «спасения Руси», возлагая особые надежды на духовную энергию русского народа.

Список литературы

1. Аксаков С. Т. Собр. соч.: в 4-х т. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 1. 640 с.
2. Гарин-Михайловский Н. Г. Собр. соч.: в 5-ти т. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 1. 522 с.; Т. 2. 563 с.
3. Герцен А. И. Собр. соч.: в 30-ти т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 8. 518 с.; Т. 9. 354 с.; Т. 10. 536 с.; Т. 11. 807 с.
4. Горький М. Полн. собр. соч.: худ. произведения: в 25-ти т. М.: Наука, 1972. Т. 14. 630 с.; Т. 15. 639 с.; Т. 16. 671 с.
5. Монтень М. Опыты: в 3-х кн. СПб.: Кристалл; Респекс, 1998. Кн. 1-2. 953 с.; Кн. 3. 702 с.
6. Попов П. С. Стиль ранних повестей Толстого («Детство» и «Отрочество») // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1939. Т. 35-36. Л. Н. Толстой. Кн. 1. С. 78-116.
7. Руссо Ж.-Ж. Избр. соч.: в 3-х т. М.: ГИХЛ, 1961. Т. 3. 725 с.
8. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М.: Гос. изд-во «Худ. лит.», 1937. Т. 46.
9. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М. – Л.: Гос. изд-во, 1928. Т. 1.
10. Эйхенбаум Б. М. Молодой Толстой // Эйхенбаум Б. М. О литературе: работы разных лет. М.: Сов. писатель, 1987. С. 34-139.

PROBLEM OF –GENERALIZATION” IN TRILOGIES OF L. TOLSTOI AND M. GOR’KII

Tsirulev Aleksandr Fedorovich, Ph. D. in Philology
Nizhnii Novgorod State University named after N. I. Lobachevskii
tsirulev.al.@yandex.ru

The author describes one of the structural components of the text –generalization” basing on the material of autobiographical trilogies of L. N. Tolstoi and M. Gor’kii, analyzes the types of –generalization”, its functioning, narrative evolution, aesthetic role and comparative significance, reveals the origins of –generalization”, ascertains the semantic role of this technique in Tolstoi’s trilogy, and asserts that Gor’kii is a successor of Tolstoi’s –generalization” and at the same time an innovator, filling the –generalizing” technique with new functions.

Key words and phrases: –generalization”; genre; autobiography; author’s comment; text; author’s voice.

УДК 8;81-122.2

Филологические науки

В статье говорится о том, что именно беллетристика данной эпохи становится идентификатором нового социально-культурного слоя, а в спорах о ней выявляются общее и различное в лингвистических взглядах на состав литературного языка славянофилов и западников. Оценки маркированных языковых единиц, просторечных и диалектных явлений оказываются социально и идеологически обусловленными, отражая идеологическое и культурное размежевание в русском обществе 1830-1840-х гг.

Ключевые слова и фразы: беллетристика; язык художественной литературы; народный язык; народность; натуральная школа; западники; славянофилы.

Чапаева Любовь Георгиевна, д. филол. н., доцент
Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова
lg4@mail.ru

БЕЛЛЕТРИСТИКА 1830-1840-Х ГГ. КАК ПОЛЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СПОРОВ®

30-40-е годы XIX века оказались временем, в котором определялись и перспективно задавались пути и направления развития русского литературного языка, русской литературы и культуры. Своеобразие этих «веховых» лет связано с вхождением русского словесного искусства в новую культурно-идеологическую парадигму, повлиявшую и на жанровые приоритеты в литературе, и на литературный язык, и на языковую рефлексю. Русскую культуру этого периода можно представить в виде перекрещивающихся бинарных оппозиций: дворянская культура – разночинская; пушкинское направление – гоголевское

(по определению В. Г. Белинского); чистое искусство – социально ориентированное; романтизм – реализм; литература – беллетристика и т.д.

Нарождавшаяся новая разночинская культура, которую называют то средней, то срединной культурой (см. подробнее исследование У. В. Таракановой: [11]), нуждалась в идентификации и собственном корпусе текстов, в собственной системе художественных средств и маркированных языковых элементов, которые отличали бы ее от предыдущей преимущественно дворянской культуры. Таким идентификатором оказалась русская беллетристика.

Понятие *беллетристики* было введено в широкий обиход В. Г. Белинским именно в 1840-е годы, и до настоящего времени сохраняется преимущественно традиционное его толкование, данное еще В. Далем: *«изящная словесность, изящная письменность»*, от франц. *Belles lettres* [5, с. 81], т.е., говоря современным языком, 'художественная литература'. Ср. в современных словарях основное значение *«повествовательная художественная литература»* [6, с. 43], или *художественная литература* (в отличие от научной, публицистической и т.п. литературы) [9, с. 463]. В качестве оттенков основного значения слова указываются: // *художественная проза* (в отличие от драматургии и поэзии). // Разг. Повествовательная *литература для легкого чтения невысокого идейного и художественного уровня*. 2. Перен. разг. о чем-л. несущественном, неглубоком, не отражающем сути чего-л. [Там же].

Беллетристика 30-40-х гг. представляла собой «смешанную» литературу, в которой соединялись элементы художественные и «дидактические». В. Майков проводит любопытное сравнение беллетристики с живой речью, в которой так же невозможно говорить только художественно или только дидактически, как и в литературной деятельности (см.: [7, с. 102-103]).

Беллетристика как явление массовое и в основе своей подражательное, «серийное», вбирает в себя наиболее характерные стилистические приемы и языковые нормы; многократно повторенные, они становятся привычными и устойчивыми, распространяясь на иные сферы жизни письменного языка. «Беллетристика мало внимания уделяет стилю как индивидуальному проявлению автора, но это-то и ценно! Она выявляет то общее, что закрепится как норма» [13, с. 17]. Беллетристика способствует апробации новых способов выражения, подготавливает новые идеи, тиражирует их, т.е. превращает индивидуальные признаки великого литературного произведения в «жанровые», фиксирует «индивидуальную комбинацию» как каноническую для данной эпохи.

В. Г. Белинский противопоставлял беллетристику истинно художественным произведениям как явления синхронии и диахронии. Для современности, по мнению Белинского, важнее талантливые беллетристы, потому что гении вполне оцениваются только потомками. Но и понятие «беллетристика», на наш взгляд, по преимуществу диахронично. А разные подходы в данном случае дают и разные результаты, разную оценку одних и тех же авторов, что мы и наблюдаем в критических работах тех лет.

Особенности культурной эпохи на уровне синхронии в значительной мере определяются маргиналами, в литературе и языке – как раз беллетристами, чьи стилистические новации превращаются в штампы, клише, а затем в общеупотребительные элементы литературного языка.

Корпус текстов, относимых к беллетристике, достаточно велик и неоднороден, значительную часть ее составляла журнальная беллетристика, к которой следует отнести не только повести и рассказы, очерки, но и исторические и публицистические сочинения, литературно-критические статьи и другие виды журнальной продукции. Например, В. Майков к беллетристическим относил произведения Герцена, Буткова, заметки о путешествиях, альманахи, сочинения для простого народа [7, с. 102-103]. Это та культура и письменность, которая доходила до провинции и объединяла новый слой людей – разночинцев.

Именно в беллетристике реализуются направления и школы, она призвана передавать «групповую» характеристику: общность жанра, проблематики, изображаемого мира, идеалов и языкового кода со своими символами. Одним из таких направлений стала натуральная школа, повлиявшая на судьбы русской литературы и в последующие десятилетия. Огромную роль в становлении натуральной школы сыграл физиологический очерк, который стал разрабатываться в русской литературе с начала 40-х годов, так как отвечал потребностям русской культуры той поры. С 1839 г. по 1848 г. вышло около семисот очерков разных авторов, которые изобиловали жаргонной, просторечной, диалектной лексикой и фразеологией. Слова, попадавшие до этого в литературный язык лишь случайно, с 40-х гг. становятся регулярными источниками пополнения языка литературы элементами живой речи.

Беллетристичность как таковая напрямую не связана с идеологией, но прямолинейная и однозначная идеологизированность, как правило, сигнализирует о беллетристичном характере произведения. Именно поэтому произведения беллетристики и стали полем битв между разными идеологическими группами как за новую литературу, так и за новый литературный язык. Главным предметом споров в области языка стали элементы просторечия, областных говоров и жаргонов, активно использовавшиеся, например, в произведениях натуральной школы; они оценивались с позиции важного критерия эпохи: *народности* произведения и *народного языка*. Правда, «в XIX в. *народный язык* определяется через синонимию или антонимию к понятиям *разговорный* и *простонародный* <...>, которые продолжают оставаться мало разграниченными» [12, с. 162].

Славянофилы и западники по-разному относились к беллетристике. «Славянофильская партия, – писал П. В. Анненков, – объявляла все учение о беллетристике прославлением публичной «болтовни» <...> Постановление беллетристики на одну доску с поэтическим трудом похоже на оскорбление «святого духа»» [3, с. 257]. Для славянофилов признание учителями общества не гениальных и крупных талантов,

а всей безымянной массы литераторов казалось и слишком ново, и слишком дико, а для западников, ориентированных на европейскую культуру, где беллетристика играла важную роль, такое понимание ситуации было естественным и органичным.

Натуральная школа не устраивала славянофилов вниманием к внешней стороне народности, к внешним языковым характеристикам крестьянской речи, увлечением ненужными, несущественными подробностями в описании народной жизни: «Натуральная школа, ища натуральной пищи, спускалась в так называемые низменные слои общества и в силу этого доходила и до крестьян. Но и здесь она брала сперва лишь то, что ярче бросалось в глаза ее мелочному взгляду» [2, с. 218]. Декларируя в своей художественно-лингвистической концепции обращение к народному языку, К. Аксаков, как и многие другие славянофилы, понимает народный язык шире областных наречий, то есть шире, чем диалектный или простонародный язык.

К. Аксаков критиковал Даля за «кудреватость» языка, Одоевского за то, что тот «прибегает к народному будто бы оттенку речи, к народным выражениям, дошедшим до его слуха через переднюю и гостиную. Такой умышленный маскарад, такая милостивая подделка, особенно когда пишут для народа, оскорбительна» [1, с. 119]; Некрасова – за «мелочные подделки под русскую речь». Рецензируя «Петербургский сборник» 1846 г., К. Аксаков замечает: «В –Петербургском сборнике» есть статья г. Искандера, которую мы причисляем к числу умных, замечательных <...> Можно бы сюда отнести и стихотворение г. Некрасова «В дороге»; оно было бы очень хорошо, если б не было мелочных подделок под русскую речь, как-то: *тот, эта и эти*» [Там же, с. 145]. В данном случае само замечание К. Аксакова выглядит несправедливой придиркой, так как в стихотворении Некрасова ни разу не употреблена ни одна из названных форм, к тому же не имеющих диалектной окраски. Действительно, диалектизмы и просторечные выражения поэт употребляет, так как рассказ ведется от имени ямщика: *понимаешь-ста, учитель-ста, врезамшись, сам-ат, согрubiла, знайде, вишь, инда, патрет*. Возможно, Аксаков имеет в виду неоднократно встречающееся и нелюбимое им *тоись*: *Тоись, сватался к ней благородный; Тоись, сколько я нажил хлопот!*

Творчество Д. Григоровича, наоборот, вызывает положительный отклик К. Аксакова. Он отмечает, что у Григоровича «речь крестьянская изумительно подслушана в ее оттенках»; кроме того, «у г. Григоровича есть уважение к крестьянину, есть любовь и вот почему его талант передает иногда живо образ крестьянина, иногда угадывает внутренний смысл его жизни, т.е. русской жизни» [2, с. 223].

В. Г. Белинский понятие «простонародность» использует как контрверзу к понятию «народность» и подразумевает под ним грубую стилизацию под народность и народный язык: по его мнению, нужно быть «народными, не унижаясь до простонародности», в то время как в современной литературе «удачное подражание языку черни, слогу площадей и харчевен сделалось признаком народности» [4, т. V, с. 656]. «Простонародность» сопровождается в статьях Белинского эпитетами *площадная, вульгарная, пошлая, харчевная*, понятия *мещанский* и *простонародный* употребляются как синонимы, обозначающие негативные узко сословные характеристики языка: «Народность смешивают с простонародностью и думают, что кто не принадлежит к простонародью, кто пьет шампанское, а не пенник, того должно изображать» как какого-либо иностранца [Там же, т. VII, с. 443].

Необходимость оперативного реагирования на современные произведения, их злободневность приводит к определенным противоречиям в высказываниях критика. Характеристика языка как народного того или иного автора (с положительным знаком) часто обуславливается социально-идеологической направленностью его творчества, а также положительной или отрицательной оценкой этого творчества с позиций западничества в широком смысле слова. Например, Белинский критиковал Майкова за употребление простонародных слов и выражений, засорявших и портивших язык, а Кольцова за то же самое хвалил, считая, что у него эти просторечные слова органично вписываются в общую картину изображаемой народной жизни; защищает Гоголя, на которого нападают за употребление «неприличных» слов *каналья, подлец, свинья, свинтус, бестия* [Там же, с. 274], но осуждает *слог* Загоскина, отличающийся грубой простонародностью.

Преувеличивая роль натуральной школы в образовании и просвещении общества, видя в произведениях этого направления новый этап развития литературы, западники старались не замечать небрежного отношения авторов к языку, смешения стилей и лексической неоднородности текстов, отличавших произведения натуральной школы: обилие просторечных, жаргонных и профессиональных слов и выражений, широко употреблявшихся в разговорной речи узких социальных групп, но выходивших за рамки литературной нормы. С появлением повестей В. Даля в конце 30-х годов Белинский начинает говорить о нем как об одном из лучших прозаиков, но позднее (когда стала ясна приверженность Даля славянофильским идеям!) критикует его за искусственность «народного» языка, призывая записывать и сохранять народный язык и народные произведения в естественном виде, а не подделывать его сообразно своим вкусам и представлениям (см.: [Там же, т. VI, с. 557]). Подобная позиция и определила неоднозначную оценку творчества и языковых опытов В. И. Даля. Наиболее резко, правда, уже в начале 60-х гг., позицию западников по отношению к творчеству В. И. Даля выразил Н. Г. Чернышевский: «г. Даль знает десятки тысяч анекдотов из простонародной жизни, собрал чуть ли не полмиллиона слов и оборотов простонародной речи. А между тем <...> ровно никакой пользы ни ему, ни его читателю не приносит все его знание. <...> из его рассказов ни на волос не узнаешь ничего о русском народе, да и в самих-то рассказах не найдешь ни капли народности» [14, с. 424].

Осторожное отношение к простонародным явлениям у писателей западнической ориентации иногда выражается в способе включения диалектных слов в языковую ткань художественного произведения: ненормативное слово нередко передается с помощью кавычек, курсива, авторских пояснений. Это характерно,

например, для Тургенева, воспринимающего такое слово как объект изображения, а не как органичный элемент собственного языка. Вводя диалектные слова, Тургенев большей частью лишь обращает внимание читателя на языковые явления, потенциально способные войти в общее употребление или расширяющие читательский кругозор.

Разное отношение к простому народу, тем не менее, формировало в целом сходную оценку простонародных диалектных элементов, используемых писателями для характеристики простого человека: и западники, и славянофилы считали, что нельзя выхватывать наиболее яркие, характерологические языковые черты из общего контекста, из простого и общего для всех народно-разговорного языка. С. Т. Аксаков, представитель старшего поколения, писал Тургеневу, что считает «совершенно ошибкой употребление слов и выражений местных, провинциальных, для понимания которых надобно иметь словарь областных наречий» [8, с. 58]. И. С. Аксаков также выражал отрицательное отношение к простонародным элементам в литературном языке: «Григорович, желая вывести на сцену русского мужика *вообще*, заставляет его говорить рязанским наречием, вы (*Тургенев – Л. Ч.*) – орловским. Даль – винегретом из всех наречий. Мне кажется, можно вложить в уста русскому мужику русскую крестьянскую речь без этого жалкого коверканья слов»; «Я вообще против употребления крестьянской речи в литературе так, как она является у Григоровича и отчасти у вас. Это не свободная крестьянская речь, а копировка, стоящая, по-видимому, больших усилий» [Там же, с. 73].

В спорах о литературе и беллетристике, о том, являются ли подлинной литературой произведения натуральной школы, каким должен быть литературный язык, отражается воздействие экстралингвистических факторов: формирование нового социального слоя, идеологическое размежевание в обществе и, как следствие, смена лингвистических установок и образцов, переоценка культурных ценностей. Отбор и функционирование тех образцов и вариантов, на которые опирается языковая практика, оказываются социально и идеологически обусловленными. И не случайно Ю. С. Сорокин назвал 30-40-е годы XIX в. периодом «перерыва непрерывности», «узловым моментом» [10, с. 23] в истории русского литературного языка.

Список литературы

1. Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика / сост. и коммент. В. А. Кошелева. М.: Искусство, 1995. 526 с.
2. Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика / сост. и коммент. А. С. Курилова. М.: Современник, 1981. 383 с.
3. Анненков П. В. Литературные воспоминания / коммент. А. М. Долотовой и др. М.: Художественная литература, 1989. 694 с.
4. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13-ти т. / гл. ред. Н. Ф. Бельчиков. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953-1959. Т. V. 863 с.; Т. VI. 799 с.; Т. VII. 740 с.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. Т. 1. 699 с.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Изд-е 4-е, дополн. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
7. Русская эстетика и критика 40-50-х годов XIX века. М., 1982. 544 с.
8. Русские писатели XVIII-XIX вв. о языке: в 2-х т. М.: ООО «Торгово-издательский дом «Русское слово-РС»», 2000. Т. 2. 432 с.
9. Словарь современного русского литературного языка: в 20-ти т. / гл. ред. К. С. Горбачевич. М.: Русский язык, 1991. Т. 1. 864 с.
10. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка: (30-90-х гг. XIX века). М. – Л.: Наука, 1965. 565 с.
11. Тараканова У. В. О паронимических понятиях «средняя культура» и «срединная культура» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7-1. С. 201-205.
12. Чапаева Л. Г. Объем и границы народного языка в культурно-языковой ситуации первой половины XIX в. // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2009. № 2-1. С. 161-163.
13. Чернов А. В. Русская беллетристика 20-40-х годов XIX века: вопросы генезиса, эстетики и поэтики: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1996. 39 с.
14. Чернышевский Н. Г. // Русские писатели о языке (XVIII-XX вв.): Ломоносов, Радищев, Карамзин, Пушкин, писатели-декабристы, Гоголь, Белинский, Герцен, Тургенев, Гончаров, Некрасов, Островский, Чернышевский, Добролюбов, Салтыков-Щедрин, Достоевский, Толстой, Лесков, Короленко, Чехов, Горький. Л.: Советский писатель, 1954. С. 381-446.

FICTION OF THE 1830-1840S AS FIELD OF IDEOLOGICAL AND LINGUISTIC DISPUTES

Chapaeva Lyubov' Georgievna, Doctor in Philology, Associate Professor
Moscow State Classical University named after M. A. Sholokhov
lg4@mail.ru

The author tells that the fiction of this era becomes the identifier of new social-cultural stratum, and commonalities and differences in the linguistic views on literary language composition of the Slavophiles and Westerners are revealed in disputes about it. The estimations of marked language units, vernacular and dialect phenomena are socially and ideologically conditioned, representing the ideological and cultural division in the Russian society of the 1830-1840s.

Key words and phrases: fiction; literary language; national language; nationality; natural school; the Westerners; the Slavophiles.